

Переводы

Личность в контексте культуры

Клэр Данн

**КАРЛ ЮНГ:
ИЗРАНЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ДУШИ***
(Перевод с английского Алексея Лисогора)

Падение

Принесения себя
в жертву

«Не успели мы с Фрейдом порвать между собой все отношения, как один за другим испарились все мои друзья и знакомые. Вскоре мою книгу объявили сущим вздором, мне самому навесили ярлык мистификатора, что и довершило все дело. Только Риклин и Мейдер не бросили меня во все этих свалившихся на мою голову бедах. Но прекрасно предвидя свою полную изоляцию, я не обольщался и не питал никаких иллюзий насчет дальнейшего поведения своих так называемых друзей. Вот теперь мне стало понятным, почему одну из глав я озаглавил «Жертва» – она символизировала мою собственную принесенную жертву» [1].

Все глубже и глубже в бездну подсознания собственной души

К. Юнг не раз говорил, что почти вплоть до своего сорокалетия верховодила, главным образом, личность номер один – амбиции, карьера, семья, успех и мировое признание. Теперь же, после того как все рухнуло в тар-тарары, у него остались только лишь семья да частная практика. Он подал в отставку со всех своих занимаемых постов, отказавшись включительно от президентства и должности главного редактора в психоаналитической ассоциации. Его прежняя насыщенная интеллектуальная жизнь ныне оказалась в застое – в один

* *Dunne C. Carl Jung: wounded healer of soul. An illustrated biography. N.-Y.: Parabola books, 2000.*

Продолжение. Начало: Развитие личности. 2007. № 2. С. 233–247; № 3. С. 239–247; № 4. С. 219–237.

прекрасный момент он обнаружил, что не способен более читать и воспринимать любую научную литературу. И в течение следующих шести лет о себе всерьез стала заявлять, самоутверждаться и отстаивать свои права его внутренняя личность, увлекающая его все глубже и глубже в бездну подсознания собственной души.

«Внутри себя я впал в какую-то неуверенность»

«После того как разошлись наши пути-дорожки с Фрейдом, внутри себя я впал в какую-то неуверенность. То мое состояние без всякого преувеличения можно было назвать полнейшей дезориентацией, поскольку не чувствовал под ногами никакой твердой почвы, а словно бы висел в воздухе. <...>

Жизнь моя текла под постоянным внутренним гнетом, временами таким сильным, что в такие минуты даже начинал подозревать, а не сошел ли я уже чуточку с ума? <...> Ретроспекция выявила лишь одно мое полное и абсолютное невежество во всем. <...> И я сказал сам себе: «Ну раз я толком ничего не знаю, то буду заниматься просто тем, что будет приходить в голову». <...>

«Мне, взрослому человеку, нужно было снова начать играть в детские игры»

Первая же мысль, всплывшая откуда-то изнутри и поплававком закачавшаяся на тихой глади моей памяти, оказалось воспоминанием о периоде детства, когда мне было лет так 10–11. В то время мною безгранично властвовало страстное желание игры в кубики. Как настоящие стояли у меня перед глазами всякие разные домики и замки, которые я выстраивал в невероятных количествах. <...> К моему удивлению, это воспоминание сопровождалось довольно-таки сильным всплеском эмоций. «Ага! – воскликнул я в душе. – Вот, оказывается, в каких вещах кроется жизнь! Где-то сейчас вокруг меня ходит маленький мальчик и держит в своих руках ту созидательную энергию, в которой я так остро нуждаюсь. Но как, как же мне подойти к нему вплотную?» <...> Что поделать, у меня не осталось больше никакого другого выбора, кроме как опять впасть в детство и снова заняться игрой в кубики. Этот шаг я сделал поворотным пунктом в моей судьбе, но ой как нелегко дался он мне: я уступил только после отчаянного сопротивления, пока наконец полностью не выдохся и мной не овладело чувство покорности неизбежности. Да, я сдался, но как же унижительно и мучительно больно было сознавать, что мне, взрослому человеку, нужно было снова начать играть в детские игры.

Несмотря на все это, тем не менее я начал собирать всюду подходящие камешки <...> А затем начал свое строительство: домики, замок, вот уже деревенька целая образовалась <...> церковка <...> алтарь <...>

ежедневно <...> наскоро перекусив, я сразу начинал играть и забавляться так вплоть до самого прихода моих пациентов <...> Игра высвобождала во мне мощный поток фантазий, которые вечерами я записывал до мельчайших подробностей» [2].

Архаичность кон-
фронтации с подсоз-
нанием

Все то, что К. Юнг называл своей конфронтацией с подсознанием, уже с незапамятных времен было известно человечеству из векового духовного наследия. Подобные сведения есть в раннехристианских гностических текстах, через то же самое проходили Иоанн Креститель и шаманы первобытных этнокультур, даже Гомер в Никийском эпизоде своей «Одиссеей» отобразил нечто подобное, чего уж говорить про многочисленные мифы разных эпох и народов, красочно рисуящих своеобразное путешествие по мрачному ночному морю. Такая конфронтация – неважно, личная или совместная, и доступная лишь очень немногим из нас – всегда опасна и рискованна, но зато посвящает в тайну смерти и возрождения.

Для К. Юнга же опыт общения со своей внутренней бездной был неотделим от жизни того времени. Его преследуют повторяющиеся видения гибели своей Европы, утонувшей в реках крови, перешедшие к концу 1913 года в прямые предупреждения.

Внутренний голос предостерегал его:

Видения как реаль-
ность, которая скоро
станет явью

«Смотри! Смотри внимательно и запоминай: ты видишь реальность, которая, будь уверен, скоро станет явью».

«Тогда я сделал вывод, что они [видения] собрались покончить со мной самим и решил, что мне явно угрожает психоз. Мысль о предстоящей войне вообще не пришла мне в голову [3].

Сметающим все на своем пути бушующим потоком высвободились во мне фантазии <...> Ощущение было такое, словно один за другим на меня обрушиваются гигантские каменные блоки, а вслед одной мощной грозе приходит следующая <...> Стойко выдерживая эти яростные атаки подсознания, я как-то непоколебимо стал уверен, что просто повинуюсь высшей воле <...> Понял, что должен перестать сопротивляться, погрузиться в этот поток и пронестись сквозь него, словно нож по маслу <...> Но помимо яростного упорства мною еще владел отчаянный страх – я боялся потерять контроль над собой и стать легкой добычей для своих фантазий. Мне, как психиатру, слишком хорошо было известно, как плачевно все это может закончиться <...>

Решившись на решительный шаг, я сел за рабочий стол в кабинете и, невзирая на все свои страхи и опасения, отдался течению своих мыслей. Буквально в следующий же миг пол под моим креслом расступился и я,

Сны, видения и
внутренние голоса

кувыркаясь, полетел прямо в черную бездну. Паника, самая настоящая жуткая паника охватила меня» [4].

Сны, видения и внутренние голоса постоянно бомбардировали его сознание, неся в себе скрытый смысл.

Темная пещера <...> карлик в кожаной шкуре <...> мерцающий красный кристалл <...> журчащий поток <...> труп, проплывающий по нему мимо меня <...> гигантский черный скарабей <...> красное восходящее солнце <...> кровь. Толстая упругая струя бьющей крови.

«Меня ошеломило это увиденное зрелище <...> драмы смерти и возрождения. Шесть дней спустя – еще один сон: Я <...> каким-то смуглым незнакомцем <...> посреди пустынной скалистой местности <...> рог Зигфрида <...> мы должны убить его <...> Зигфрид <...> на сделанной из человеческих костей колеснице <...> с бешеной скоростью <...> мы стреляем в него <...> сразили насмерть <...> страшный, как из ведра, ливень <...> невыносимое чувство вины <...>

Постарался заснуть снова, но голос внутри меня предостерег: «Ты должен понять сон, причем немедленно! <...> Если не поймешь, то должен застрелиться!»

Внезапно на меня нашло озарение и смысл сна стал мне отчетливо ясен <...> знак моего тайного отождествления с Зигфридом; так человек чувствует надвигающуюся беду, когда его вынуждают пожертвовать своими принципами и идеалами <...> ибо есть гораздо более важные вещи, чем воля собственного эго, перед которыми следует склонить голову.

Чтобы как можно лучше уразуметь свои фантазии, я стал частенько прибегать к этому фантастическому падению сквозь пол <...> кратер <...> ощущение, будто я в царстве смерти <...> две фигуры приковали к себе мой взгляд <...> белобородый старик с прекрасной девушкой <...> она была слепой <...> Что за странная пара: Саломея и Илия! Но Илия заверил меня, что они с Саломеей вместе уже целую вечность <...> С ними была черная змея, явно демонстрировавшая своими повадками страстную нежность ко мне .

В мифах змея часто дополняет героя <...> Илия – мудрый пророк <...> олицетворение ума, рассудка и знания; эротичная Саломея <...> анонимная фигура <...>, слепая, потому что не видит смысла вещей» [5].

Балансирование между своими внутренней и внешней личностями требовало от К. Юнга напряженной борьбы.

«Мне крайне требовалась точка опоры в «этом мире» <...> Беспредельная емкость моего подсознания за-

Напряженная борьба в балансировании между внутренней и внешней личностями

просто могла свихнуть мне мозги. Но моя семья и мои знания (у меня есть диплом врача, мне нужно помогать своим пациентам, я женат, у нас пятеро детей, а проживаем мы в доме № 228 по Сихтрассе в Кушнате) являлись теми жестко довлеющими надо мной реалиями, которые всегда удерживали меня <...>

Семья и профессия всегда оставались для меня той самой счастливой палочкой-выручалочкой, не раз гарантировавшей мне, что я тоже живу и нормально существую» [6].

Тони

Тони Вольф как
«точка опоры»

Такой «точкой опоры», про которую К.Юнг в «Воспоминаниях, снах и размышлениях» даже словом не обмолвился, стала поэтесса Тони Вольф, его бывшая пациентка и будущий его терапевт, которую в 1911 году он описал З. Фрейду как новое открытие: «...чрезвычайного ума и необычайно восприимчива к религии и философии» [7].

Будучи на тринадцать лет моложе К. Юнга, именно она первой положила начало их личным взаимоотношениям, а также познакомила его с духовностью Востока, помогла ему освободиться от уз интеллекта и всякий раз, когда он терял чувство реальности, возвращала его на грешную землю. Можно даже сказать, что в Тони Вольф, ставшей К. Юнгу надежным мостом и направляющей силой в этот кризисный для него период жизни, отображались скрытые от всех женские черты его личности.

Либо она не любила меня и ей было абсолютно наплевать на мою судьбу, либо все же любила – что, конечно же, и было на самом деле – то с ее стороны это был самый настоящий героизм. Я преклоняюсь перед ее подвигом и вечно буду благодарен ей [9].

А незадолго до своей смерти Эмма Юнг выразилась так: «Я всегда буду благодарна Тони за всю заботу о моем муже,

Фотография Тони Вольф,
декабрь 1930.

Пациентка, ученица, поэтесса,
Муза, любовь, друг и коллега
Тони работала с Юнгом большую часть своей жизни

Эмма: «Благодарна Тони за всю ту заботу о моем муже...»

какую ни я, ни кто-либо другой так и не смогли ему дать в наиболее кризисные моменты» [9].

Параллельно браку с Эммой К. Юнга почти сорок лет связывали личные и профессиональные отношения с Тони Вольф. Они не скрывались; и хотя на ранних стадиях это причиняло острую боль обеим женщинам, мало-помалу они нашли устраивающий обе стороны образ жизни. Пройдет затем много лет, прежде чем однажды Эмма признается в разговоре с другом: *«Понимаешь, он никогда ничем не обделял меня за счет Тони – наоборот, чем больше он отдавал ей себя, тем больше, казалось, он был способен дать мне»* [10].

Прорыв

Нужда в поддержке
в борьбе за самого
себя

Борясь за самого себя, К. Юнг в этот период ничем не мог помочь своей семье. Он сам нуждался в любой поддержке, какую только мог найти. Бессонница и расстройства желудка становятся его постоянными спутниками, причиняя ему сильнейшие страдания, а страх потерять себя и сойти с ума только креп с каждой новой увиденной во снах и видениях фантастической фигурой, восходящей из глубин подсознания в его мозг. Только ныне они уж перестали быть связанными с его личной жизнью.

«Синие-синие, словно море, покрытое <...> плоскими лепешками коричневой глины <...> разрывающимися на куски <...> внезапно <...> крылатое существо пролетело через небо <...> человек с рогами быка на голове. В руке он держал связку из четырех ключей, один из которых <...> зажал так, словно собирался отпирать замок. Его сложенные за спиной крылья формой и красотой оперения напоминали крылья зимородка.

Языческий Филемон принес на своих крыльях гностически окрашенную египетско-эллинскую атмосферу» [11].

Синхронность
видений
и реальности

«В тот же день, когда К. Юнг зарисовывал этот новый увиденный во сне образ, его словно молнией сразило, когда чуть погодя он вышел в сад и наткнулся под одним из деревьев на тельце мертвого зимородка, внешне никак не поврежденного. Зимородок? Весьма редкая птица для окрестностей Цюриха, увидеть ее здесь всегда было крайним везением. «Синхронность», так назвал он это многозначительное совпадение.

Видение Филемона и множества других фантазийных образов убедили меня, что в душе человека есть неподвластные ему вещи, рождающиеся и живущие сами по себе. Как раз инородной мне силой и был порожден Филемон. <...> Так я впервые узнал о психической объек-

тивности и подлинной сущности души. <...> Теперь я понимал: во мне самом есть нечто такое, что многое может рассказать мне о вещах, о существовании которых я даже не догадывался <...>

В психологическом плане Филемон символизировал собой высший инсайт <...> Для меня же он стал тем, кого индейцы называют гуру <...>

Дело еще в том, что помимо всего прочего он сообщил мне множество все объясняющих идей и на многое проливающих свет понятий» [12].

Решающая
фантазия

Решающей фантазией стало видение вышедшей прямо из чрева земли фигуры, которой К. Юнг дал название «Ка». В Древнем Египте так называли земное воплощение небесного властителя, то есть его «воплощенную в плоть душу».

«Я нарисовал фигуру на картине, показав ее в смертной оболочке как своеобразного гермафродита, с каменной нижней и бронзовой верхней частями тела <...> От этого экспрессия Ка несла что-то демоническое <...> Он словно говорил: «Я тот, кто прячет богов в золото и драгоценные камни».

Филемон, хоть и прихрамывал, являлся крылатым посланником, тогда как Ка олицетворял земного демона <...> Филемон был духовным аспектом, другими словами – «смыслом». Ка <...> – духом природы <...> Ка стал тем, кто сделал все реальностью, но он же подменил душу зимородка красотой оперения <...>

Мои занятия алхимией помогли мне соединить друг с другом эти две фигуры» [13].

«Работая под конец жизни над своей автобиографией, К. Юнг с высоты прожитых лет смог без всякой опаски заключить, что по какой-то злой иронии судьбы мне, психиатру, в своих экспериментах над собой буквально при каждом шаге вперед приходилось вляпываться в субстанцию психоза, наблюдаемую у сумасшедших. Я имею в виду эти мои бесчисленные подсознательные образы, которые так пагубно помрачают сознание у душевно больных людей. С другой стороны, они же составляют собою некую матрицу мифопоэтических фантазий, исчезнувших из нашего рационального века. Тем не менее, находясь под запретом и будучи очень опасными, они повсюду окружают нас» [14].

Начало внутренних
перемен

В 1916 году, наш рациональный век уже собрал с полей Первой мировой войны свою кровавую жатву в очередные полмиллиона жизней, с К. Юнгом потихоньку начали происходить внутренние перемены, положив тем самым начало воплощения в жизнь всего того, чему научил его Филемон. А после того, как однажды все

Нашествие
призраков

члены семьи К. Юнга, включая его самого, пережили самое настоящее нашествие призраков, на свет появилась книга «Семь проповедей для покойников» (оригинальное название «Seven Sermons to the Dead»).

«Воскресным днем, где-то в районе 17 часов вдруг начал неистово трезвонить, словно взбесившись, дверной звонок. День был солнечный; в кухне, через окна которой была видна входная дверь в дом, находились еще две горничных. Естественно, все мы дружно посмотрели в окна, кто же это пришел к нам и так раззвонился, но перед дверью никого не было. Сам я сидел достаточно близко к колокольчику и не только слышал, но собственными глазами видел, как он дергается и мотается из стороны в сторону. Ничего не понимая, мы в изумлении уставились друг на друга. Тут стало твориться что-то непонятное с воздухом: он все больше стал наливать какой-то упругой густотой, уж поверьте мне на слово! Мороз пробежал у меня по коже от тягостного предчувствия: вот-вот должно было случиться нечто экстраординарное. В ту же секунду весь дом заходил ходуном и стал наполняться самыми разнообразными духами и приведениями и скоро был забит ими битком до самой крыши; воздух сгустился уже настолько, что стало трудно дышать. Весь дрожь мелкой дрожью, я взмолился: «Ради Бога, что, наконец, происходит?» Хор замогильных голосов был мне в ответ: «Мы вернулись из Иерусалима, где не нашли то, чего искали». Вот так начались «Семь проповедей».

В течение трех последующих вечеров я на одном дыхании записал всю эту книгу. Как только я поставил финальную точку, все призрачное сборище мигом испарилось <...> Их преследования прекратились <...>

Эти мои разговоры с умершими душами сформировали в конце концов нечто вроде краткого вступления – структуру, устройство и общее содержание – к моему рассказу обо всем том, что должен был я сообщить миру о подсознании» [15].

Конфликт противоположностей и концепция индивидуации

«Семь проповедей для покойников» – своеобразная поэма, написанная несколько архаичным способом. Первоначально К. Юнг опубликовал ее под псевдонимом и очень маленьким тиражом; по его же просьбе ее вообще не включили в официально изданный 20-томное собрание его работ. В этой книге он в общих чертах изложил свои наиболее главные и важные идеи, включая понятие конфликта противоположностей и концепцию индивидуации.

«Есть божество, которое вы не знаете, поскольку человечество забыло его. Мы называем его данным ему в стародавние времена именем – Абракасас. До сей поры

нам так и не известно, бог он или дьявол? <...> Он – неправдоподобная правдоподобность и нереальная реальность. Обладай бы плерома плотью и кровью, Абраксас был бы ее воплощение <...>

Но в то же время он тварное создание, не имеющее ничего общего с плеромой <...>

Абраксас обладает удивительной двойной силой, но вовсе вам не заметной – его непримиримые противоречия гасятся в ваших глазах.

Что речет Бог-солнце, то жизнь.

Что дьявол, то – смерть.

Уста Абраксаса же глаголют священно-проклятое слово, что дарит жизнь иль убивает.

Одним своим вымолвленным словом Абраксас порождает за раз и правду, и ложь, добро и зло, и темноту со светом. И значит, он ужасен <...>

Он – изобилие, хотящее единства с пустотой.

Он – святое вдохновенье.

Сама любовь он, но он же и убивает любовь.

Он праведный святой и хитренький его Иуда.

Он яркий свет солнечного дня и ночной мрак безумия <...>

Он самое могущественное создание, но в нем сидит тварь, боящаяся собственной же тени.

Он – осязаемый, плерома в пику, и ее небытие <...>

Он – жизнь, вдохнутая в творенье.

Венец работы он своих всех разногласий.

Еще он – любовь человека <...>

Его наружность и отбрасываемая тень.

А в общем, иллюзорная реальность, вот кто он» [16].

Годы пика внутренних фантазий

«Однажды познанное им в детстве чувство изоляции и одиночества, с которым он затем прожил всю свою дальнейшую жизнь, как раз в эти годы – годы максимума своих внутренних фантазий – достигает своего пика. И ничего нельзя было поделаться: он вынужден был подчиниться и пройти через все остатки своего подсознания, многого не понимая и даже не зная, куда это все ведет его. Пропасть между своими внутренним и внешним мирами казалась ему непреодолимой и ничего еще не напоминало ему об их будущем гармоничном взаимодействии.

«Смутное прояснение»

Только в последние два года перед концом Первой мировой войны в его голове начинает что-то смутно проясняться. В это время он, призванный в армию военврачом, возглавлял расположенный в Швейцарии британский лагерь для интернированных лиц. Каждый свой день он начинал с того, что ранним утром набрасывал себе в блокнот схематические рисунки,

отображавшие его внутреннее состояние на данное время. Мандала (слово на санскрите, означавшее «круг»), так он называл каждую такую зарисовку. Типичная мандала представляет из себя многообразные узоры, радиально расходящиеся из центра круга. К. Юнг обнаружил, что такая схема идеально подходит на роль универсальных символов для обозначения состояния энергетики человека.

Мандалы внутреннего состояния

С помощью этих своих чертежиков я запросто мог проследить, какие день ото дня происходили со мною психические трансформации <...> Мои мандалы в криптографическом виде рисовали мое внутреннее состояние <...> В них я видел собственную личность, всю свою сущность, активно включенную в работу. Сперва, разумеется, я мало что мог понять в своих первоначальных набросках, но ясно чувствуя заложенный в них глубокий смысл, хранил их, как зеницу ока, до лучших времен <...>

Все же мало-помалу мне удалось раскрыть тайну мандалы и определить, чем же она является на самом деле. Я скажу так: формированием, трансформацией, постоянным восстановлением рассудка. Мандала, другими словами – это я сам, это моя полноценная личность <...>

Свою же личность (себя самого, весь свой мир) я представлял своего рода монадой. Мандала проявляет в себе эту монаду и, таким образом, соответствует микрокосмосу души» [17].

«Красная книга» внутренних путешествий

«Красная книга» – так называл он толстую тетрадь, на страницах которой каллиграфическим почерком подробно изложил все свое внутреннее путешествие по глубинам подсознания, подкрепив свой рассказ многочисленными зарисовками своих пережитых фантазий. Эта, без преувеличения, реликвия хранится у наследников К. Юнга и никогда, по его же собственной просьбе, не публиковалась полностью.

«Года, когда меня преследовали внутренние образные метафоры, оказались самым важным в моей жизни – именно тогда определилась вся сущность моей работы <...>

«Моя жизнь стала достоянием человечества»

Я не только перестал принадлежать одному себе, я вообще окончательно потерял на это право. Начиная с того времени моя жизнь стала достоянием человечества. Наука тех дней ничего не могла сказать мне о знаниях, которыми я интересовался и к которым стремился. Я сам должен был первопроходцем испытать все на собственной шкуре; более того, постараться насадить полученные результаты в почву нашей реальности <...> В те годы я окончательно решил

ся целиком и полностью посвятить себя на службу душе. Я любил и ненавидел свое занятие, которое, тем не менее, стало моим самым величайшим богатством. Только занимаясь вплотную этим делом, только отдавая всего себя без остатка этой каждодневной 24-часовой работе <...> было для меня единственным возможным способом, при котором я мог жить полноценной жизнью и выносить свое существование <...>

Фактически, чтобы по капелькам собрать в сосуд моей научной работы все те вещи, которые я с одновременной фиксацией всего пережитого познавал на личном, временами очень болезненном опыте, заняло у меня 45 лет <...> Это был наиглавнейший материал, принуждавший меня работать над ним <...> Это стало *prima materia* всей моей жизни» [18].

(Продолжение следует)

1. Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 167–168.
2. Ibid. P. 170, 173–175.
3. Ibid. P. 175–176.
4. Ibid. P. 176–179.
5. Ibid. P. 179–182.
6. Ibid. P. 189.
7. The Freyd/Jung Letters, edited by William McGuire. London: Hogarth Press and Routledge and Kegan Paul, 1974. P. 440.
8. Jung: His Life and Work by Barbara Hannah. Boston: Shambhala, 1989. P. 120.
9. Jung and the Story of Our Time by Laurens van der Post. New York: Random House, 1975. P. 177.
10. Hannah, op. cit. p. 119.
11. Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 182–183.
12. Ibid. P. 183–184.
13. Ibid. P. 184–185.
14. Ibid. P. 188.
15. Ibid. P. 190–192.
16. A Record of Two Friendships by Miguel Serrano. London: Routledge and Kegan Paul. P. 94–95.
17. Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 195–196.
18. Ibid. P. 192, 199.

